

Комната Сяо И выходила окнами на море, и людей там толпилось относительно немного — чернеющая людская масса выстроилась всего лишь в стометровую очередь, насчитывая, пожалуй, от силы несколько сотен тысяч человек. Зато тыльная сторона Экологического здания обрастала городской застройкой: с приближением катастрофы сюда хлынули огромные толпы беженцев, и нетрудно было представить, сколь колоссальным оказалось давление с этой стороны.

С течением времени со всех сторон стягивались новые люди, их эмоции накалялись до предела, и они умоляюще кричали перед электрической сетью:

— Пустите нас внутрь!

— Мы просто хотим выжить!

— Оставьте нам шанс на жизнь!

Оглушающие мольбы миллионов людей сливались в единый громоподобный гул. Подобно раскатам грома перед надвигающейся бурей, этот шум пронесся над землей. Ощущение давящей тревоги, сродни свинцовым тучам над осажденным городом, заставляло охранников, державших оборону, бледнеть и дрожать от страха.

Сяо И стоял у окна, молча глядя на плачущих и вопящих внизу людей. Уголок его глаза дергался, а скорбь, словно пузыри со дна глубокого моря, медленно поднималась из глубин сердца.

Дискриминация низов со стороны высших сословий уже давно въелась в костный мозг, однако он никак не ожидал, что в такой момент эти возвышенные господа поступят именно так. Впрочем, они чувствовали себя безнаказанно: простолюдинов было много — в десятки, а то и в сотни раз больше, чем охраны здания, — но все они представляли собой неорганизованную толпу, не прошедшую никакой военной подготовки. Им было не справиться с хорошо экипированными жандармами, которые обучались искусству убивать. Чего уж говорить — одних лишь сотен мехов и малых боевых кораблей хватило бы, чтобы в случае реального столкновения перебить миллионы простолюдинов так же легко, как режут цыплят.

На Тяньланьсине насчитывалось около тысячи экологических зданий. Лишь в крайне редких из 125 государств ограничивался доступ простых людей в эти здания, и Династия Дацзинь оказалась одной из таких стран. Впрочем, перед лицом надвигающегося века цунами почти все государства молчаливо разрешили простолюдинам и низам беспрепятственно эвакуироваться — по крайней мере, в новостях на небосводе об этом не сообщалось. Единственной страной, которая, судя по всему, ограничивала эвакуацию низов, оставалась Династия Дацзинь.

Различные государственные устройства порождали и разное отношение к простому народу. Политическая система Династии Дацзинь представляла собой монархический парламентский строй: король Дацзиня являлся номинальным верховным лидером, однако реальная власть находилась в руках парламента. Низы в Династии Дацзинь существовали на положении рабов, и сколько бы простолюдинов ни погибло, это никак не отразилось бы на правлении парламента. В остальных же странах действовали конституционные монархии, республики,

системы многопартийных парламентских ротаций... И хотя те или иные партии также контролировались гигантскими финансовыми конгломератами, владеющими всеми национальными ресурсами и экономикой, простолюдины все же обладали хоть какими-то правами. В целом везде было одно и то же, но по сравнению с Династией Дацзинь отношение к низам в тех странах несомненно было гораздо более дружелюбным.

В парящей в воздухе командной машине прекрасная пресс-секретарь мэрии с изящной фигурой и нежной, как вода, кожей держала в руках текст выступления. Ее голос слегка дрожал, словно она с трудом сдерживала скорбь, когда она читала в микрофон:

— Просим всех сохранять сдержанность. Мы твердо верим, что под мудрым руководством Его Величества Юйлэ, при поддержке руководства провинции и города, при правильном управлении городского муниципалитета и благодаря активным усилиям кадров всех уровней, администрация Города Биньхай обладает способностями и уверенностью преодолеть это цунами, а также успешно справиться с послевоенным восстановлением и самоспасением производства...

Пресс-секретарь перевернула страницу и продолжила:

— Кхм! Экологическое здание не может вместить стольких людей, поэтому отбор будет производиться по критериям. Те, кто им не соответствует, пожалуйста, разойдитесь самостоятельно. Для эвакуации остальных высоток в городской черте Биньхая муниципалитет направил соответствующий персонал на помощь. Пожалуйста, верьте мэрии: мы не бросим ни единого человека! Тем не менее, ради обеспечения безопасности жизни большинства граждан, некое профильное ведомство и некое руководящее лицо мэрии со слезами на глазах вынуждены отдать распоряжение: каждый, кто переступит заградительную линию или совершит вооруженное нападение, будет подвергнут решительному отпору!

Дочитав текст протяжным голосом, красавица-спикер отключила микрофон, перехватила шаловливую руку виконта Сыту Хаонаня — заместителя начальника полиции Биньхая, — которая хозяйничала на ее пышной груди, бросила на него манящий взгляд из-под полуприкрытых век и бессильно упала в его объятия.

Тридцатилетний Сыту Хаонань хихикнул, с силой сжав обе груди пресс-секретаря, затем с неохотой отдернул руку, поднял со стола бокал элитного пятидесятилетнего полиландского красного вина, подошел к окну и, сделав небольшой глоток, чтобы смочить горло, посмотрел на бушующую внизу толпу и презрительно скривил губы:

— Ничтожества, у которых нет даже пятидесяти тысяч, заслуживают смерти!

Ввиду напряженной обстановки у здания из городской черты прибыло подкрепление — около сотни полицейских мехов и несколько патрульных боевых кораблей. Охранные мехи здания опустились на высоту всего десятка метров, их массивные тела весом более ста тонн источали смертоносную ауру, словно легендарные демонические божества.

Множество полицейских и жандармов здания выглядывали с разных этажей. Они установили снайперские винтовки, оттянули затворы и прицелились в несмолкающую, взбудораженную

толпу внизу.

Чарующий и нежный голос пресс-секретаря никак не разрядил обстановку — простолюдины полностью проигнорировали ее слова. По их мнению, эти чиновники умели болтать языком лишь ради еды, а вторым их предназначением было пускать ветры. Если они заявляли, что завтра примут выгодную для низов политику, это означало лишь одно: простолюдинов вновь постигнут бедствия. Единственной имевшей смысл фразой во всей этой речи было последнее предложение — о том, что полиция и охрана действительно будут стрелять.

Обстановка напоминала утечку миллионов тонн высокоэффективного топлива, воздух был пропитан взрывоопасными газами, и малейшая искра могла породить колоссальный по своей разрушительной силе взрыв. А действия полиции и жандармов несомненно стали той самой искрой, что подожгла этот крошечный огонек.

— Все равно умирать! Хватит с них, порвем их!

— Кто-то в толпе громко выкрикнул это и швырнул зажатый в руке увесистый булыжник.

— В бой! Сдаться им!

— Хочешь жить — прорывайся!

Страсти накалились до предела. Разъяренная до крайности толпа хлынула вниз булавкой прорванной плотины, уровень воды в которой превысил критическую отметку.

Небо внезапно потемнело: плотная масса летящих предметов заслонила солнце. Камни, осколки стекла, обрезки арматуры, железные прутья... всё, что можно было швырнуть, закружилось в воздухе, перелетело через колючую проволоку и обрушилось на головы стоявших позади полицейских и жандармов.

Сыту Хаонань презрительно усмехнулся и холодно отдал приказ:

— Вести свободный огонь! Мехам — удерживать рубеж, не позволить никому прорваться через линию обороны!

— Пиф-паф-паф-паф!

Звуки выстрелов походили на град, падающий на усеянное стеклянными бутылками земное покрытие — громкие, частые и непрерывные.

Снайперские патроны в руках полиции и жандармов были начинены транквилизатором, способным за несколько минут повергнуть в беспамятство разъяренного бурого медведя, не нанося при этом серьезного вреда человеческому организму. В конце концов, номинально эти простолюдины все еще оставались подданными Династии Дацзинь, и применение боевых патронов могло создать определенные неудобства перед лицом заграничных так называемых

правозащитных организаций.

Людской поток, подобно черной волне, ринулся на высоковольтную электросеть и начал рядами падать, исчезая в море тел.

После попадания транквилизатора даже такое гигантское животное, как слон, валилось с ног в течение трех минут. Что же касается крепкого взрослого человека, то он успевал сделать лишь с десяток шагов и за пару десятков секунд терял сознание. В безумной давке обезумевшей толпы потеря сознания означала, что человека растопчут сотни людей, превратив в кровавое мешочное пюре. Впрочем, об этом полицейским и охранникам, разумеется, думать не приходилось.

Сотня с лишним полицейских и охранных мехов опустилась перед колючей проволокой и заграждениями, образуя стальной рубеж. Эти мехи отличались от военных: на них не устанавливали лучевые скорострелки, ракеты класса «земля-воздух» или «земля-земля», а также прочие виды оружия массового поражения. Тем не менее, одного лишь их гигантского стального корпуса весом под сто тонн было достаточно, чтобы противостоять безоружным низам. Под размашистыми ударами рук пяти-шестиметровой длины ряды простолудинов, словно игрушки, отлетало на десяток метров назад и, изрыгая кровь, падало обратно в толпу...

Черная волна разбилась о твердые рифы, превратившись в брызги...

Это была борьба в совершенно разных весовых категориях.

<http://bllate.org/book/22009/2288055>